

Глава 17. Я ещё не умер.

— Я в порядке.

Ци Цзю внимательно всмотрелся в лицо Е Байлана.

— Волчонок...

Он попытался мягко объяснить ситуацию с письмом:

— Это не на сейчас. Просто... на всякий случай. Чтобы подготовиться заранее. Я ведь учил тебя этому, помнишь?

Ци Цзю не раз наставлял Е Байлана: нельзя идти в бой, не оставив себе путей к отступлению. Нельзя просто бросаться в пекло, надеясь на авось: мол, выживу — так выживу, а нет — так и ладно.

Нужно всё планировать. Действовать осмотрительно. Всегда предотвращать беду до того, как она постучится в дверь.

И Байлан выучил этот урок на «отлично».

Судя по сводкам Системы, пока Ци Цзю этой зимой восстанавливал силы, мир снаружи вовсе не наслаждался покоем. Волчонок перевернул всё вверх дном. Те, кто был напрямую замешан в деле о похищении, не избежали расплаты: каждый угодил в расставленные сети. Немногие уцелевшие погрязли в интригах и взаимных подозрениях; в страхе и ярости они вгрызались друг другу в глотки, и Байлану даже не пришлось прикладывать руку — они сами довели себя до краха.

Ци Цзю изначально планировал спрятать рукопись, а потом, за итоговым обсуждением года, вручить Байлану почетную грамоту «образцового ученика».

Но теперь, когда их застали врасплох, ученик Байлан явно был не в настроении обсуждать теорию. Даже на прямой вопрос Ци Цзю он никак не отреагировал.

Байлан просто сидел на корточках среди разбросанных черновиков, вцепившись в контейнер, и тупо смотрел перед собой. Его лицо было мертвенно-белым, он даже не моргал, застыв подобно изваянию.

Ци Цзю спрятал за спину дрожащую правую руку. Болезнь и изнуряющая усталость истерзали это тело; физиологические реакции были неизбежны, и он не мог их контролировать.

В этом была его вина — стоило увлечься письмом, как он забыл следить за расходом энергии и развел в комнате беспорядок.

— Кухня, — сменил тон Ци Цзю. — Как там наши пельмени?

Для Байлана это тоже было важным делом. Услышав вопрос, он наконец шевельнулся и, опустив голову, хрипло ответил:

— Сварились... плохо.

Он медленно протянул контейнер Ци Цзю.

Действительно, вышло не очень: тесто и начинка будто вдрызг разругались — они плавали в бульоне порознь, не желая знать друг друга. Ци Цзю не стал кривить душой и хвалить это кулинарное фиаско, лишь указал на стол:

— Ничего страшного. Поставь пока здесь.

Байлан бережно прижал контейнер к себе, вытер его рукавом и пристроил на узком свободном пятачке рабочего стола.

— Не ошпарился? — спросил Ци Цзю.

Байлан качнул головой.

— Точно? — Ци Цзю не слишком в это верил. Контейнер из тонкой жести, Байлан прижимал его к груди поверх легкой домашней одежды — не обжечься было невозможно. — В Новый год лгать нельзя.

Дыхание Байлана перехватило. Казалось, он не на шутку испугался этого предостережения.

— ...Нельзя? — едва слышно переспросил он, дрогнув ресницами.

— Нельзя, — подтвердил Ци Цзю. — Если совершь в праздник, удача на весь год отвернется, и ни одно желание не исполнится.

Байлан тут же плотно сжал губы, буквально заглатывая уже готовые оправдания.

— Сходи, найди мазь от ожогов и смажь кожу, — Ци Цзю мягко улыбнулся. — А потом... заново нарубим фарш, замесим тесто и будем лепить вместе.

Судя по «супу с мясными шариками», в первых шагах Байлан преуспел, а основная проблема возникла на этапе сборки. Чтобы всё переделать, потребуется минимум полчаса — и Ци Цзю как раз нужно было это время.

Волчонок замер. В его глазах при мысли о том, что они будут лепить пельмени вдвоем, вспыхнул слабый огонек надежды.

— Я не лгу, — пообещал Ци Цзю. — В следующем году... у нас всё будет хорошо.

К Байлану будто внезапно вернулась способность дышать. Его прошиб сильный озноб, спина болезненно выгнулась. Он жадно глотал воздух, не сводя глаз с лица мужчины.

Байлан с трудом, почти мучительно заставил уголки губ приподняться, одарив Ци Цзю неловкой, вымученной улыбкой.

Ци Цзю смотрел, как тот, припадая на ногу, поспешно выходит из спальни. Волчонок послушался: он пошел мазать ожог, рубить мясо и месить тесто, чтобы дожидаться своего брата и вместе лепить пельмени.

***

Система в панике вернулась из виртуального учебного класса и застала Ци Цзю в буферной зоне в полной растерянности.

[Почему ты здесь?! А как же Е Байлан?!]

Ци Цзю и сам не хотел уходить, его просто не пускало обратно:

— У меня приступ.

А Байлан... Байлан сейчас, должно быть, рубит фарш. Весь этот план был несовершенен, в нем зияли дыры, потому что всё пришлось делать в спешке. Но возможности Ци Цзю были на исходе.

Стоило Байлану выйти, как болезнь перестала скрываться. Ци Цзю хотел откатить кресло к кровати, чтобы прилечь хотя бы на десять минут и дать отдых спине и рукам — так он смог бы прийти в себя к моменту возвращения волчонка. Но реальность внесла свои коррективы: едва он расстегнул ремни, как сознание было вышвырнуто из мира.

Система, не снимая своего виртуального рюкзака, зависла рядом и вывела на экран изображение из спальни.

Даже несмотря на толстый ворс ковра, звук от падения тела на пол был отчетливым. Слух у Байлана был отменный: даже на кухне он уловил этот шум. В каком-то смысле это была их заслуга — Ци Цзю постоянно отключал датчики мониторинга, и Система, поддавшись его дурному влиянию, иногда сама подкручивала данные. Байлан понял, что технике доверять нельзя, и вернулся к самому надежному способу: бежать в спальню на любой подозрительный звук.

И вот теперь Байлан влетел в комнату и увидел Ци Цзю, лежащего на полу.

Ци Цзю даже не успел заметить, как тот оказался рядом. Байлан подхватил его на руки. Тело Ци Цзю окоченело от дикой боли, и Байлан принялся лихорадочно растирать его руки, ноги и спину — точь-в-точь как Ци Цзю когда-то делал для него самого.

— Расслабься, — Байлан сжимал его в объятиях, повторяя как заведенный: — Расслабься, брат. Пожалуйста, расслабься.

Благодаря заботе Ци Цзю старые травмы Байлана давно перестали о себе напоминать. Когда болезнь еще не так сильно подкосила мужчину, он заставлял волчонка ложиться и своими слабеющими руками подолгу массировал его спину и искалеченную ногу.

С организмом Байлана всё было в порядке; мышцы спины сводило лишь из-за того, что он неправильно распределял нагрузку из-за протеза. Он слишком старался не выглядеть калекой на людях, и эта напускная «нормальность» ходьбы страшно изнуряла суставы. Но пока он ухаживал за Ци Цзю, ему не нужно было притворяться.

Он мог носиться по дому, как ему вздумается, не заботясь о том, насколько сильно хромает. Единственным его зрителем был Ци Цзю, а тот никогда бы не стал над ним смеяться. Напротив... Ци Цзю мог в шутку подставить ему подножку, когда тот меньше всего ожидал.

Байлан раз двадцать летел на пол, прежде чем понял, что это такая игра. С тех пор, когда Ци Цзю в очередной раз его ронял, он просто забирался подлокотнику инвалидного кресла и в шутку «кусал» своего брата.

***

Байлан пытался втиснуть свое запястье в ладонь Ци Цзю.

— Больно, я знаю, знаю, брат, — голос Байлана сорвался на отчаянный хрип. — Укуси меня.

Но Ци Цзю не кусал его. Байлан чувствовал лишь его прерывистое, ледяное дыхание.

Спотыкаясь, Байлан поднялся и на руках перетащил Ци Цзю на кровать, стараясь устроить его как можно удобнее. Он пустил в ход всё, что знал: массаж, горячие компрессы, точно

выверенную дозу успокоительного... Тело Ци Цзю было ледяным, и тогда Байлан забрался к нему под одеяло, пытаясь согреть своим лихорадочным теплом.

Он даже пытался звонить в больницу. Одной рукой он сжимал Ци Цзю, а другой, дрожащей, набирал номер, умоляя врачей приехать или предлагая немедленно везти брата в палату.

Пусть Ци Цзю живет сколько захочет. Пусть пишет сколько угодно завещаний — Байлан клялся больше никогда не заглядывать в корзину для бумаг. Если писать слишком тяжело, Байлан сам всё запишет под диктовку. Если станет невыносимо, если боль будет такой, что сил терпеть не останется — пусть Ци Цзю уходит. Байлану больше не важно.

Только бы Ци Цзю не мучился. Только бы не пытался спровадить его, чтобы не пугать, и не падал в одиночестве на холодный пол. Ци Цзю не должен брать на себя так много: не должен гадать, о чем думает Байлан и как сильно он будет страдать... Ци Цзю не имеет права быть таким деспотичным в своей заботе.

Он не должен испытывать такую боль.

Байлан до крови прокусил губу, во рту разлился металлический вкус. Руки дрожали так сильно, а глаза застилала слезы, что он никак не мог попасть по кнопкам телефона. В порыве яростного бессилия он хотел было укусить себя за руку...

...Но наткнулся на ладонь Ци Цзю.

Рука мужчины накрыла его запястье. Ци Цзю ощутил самый болезненный укус в своей жизни и невольно охнул:

— А-а...

Байлан замер и тут же, словно ошпаренный, разжал зубы. Он всё еще сжимал телефон в руке, грудь его бурно вздымалась. Он растерянно поднял взгляд на Ци Цзю.

Меры помогли: массаж расслабил скованные мышцы, а успокоительное, хоть и было лишь временным спасением, приглушило буйство опухоли. Ци Цзю пришел в себя, его воля вновь взяла верх над телом. Он даже нашел в себе силы остановить обезумевшего волчонка, который в приступе паники начал кусать самого себя.

Ци Цзю решил, что это не будет считаться ложью. Он коснулся головы Байлана и слабо улыбнулся:

— Половина часа еще не прошла... верно?

Он не верил, что Байлан за это время превратился в кухонный комбайн, но на всякий случай уточнил:

— Ты ведь еще не закончил с фаршем?

Байлан, не мигая, смотрел на него снизу вверх, протянув руку к бледным, изможденным чертам. На этот раз он заметил: взгляд Ци Цзю был расфокусирован.

Понимая, что кивки бесполезны, Байлан заставил себя выдать ответ, хотя каждое слово давалось ему с великим трудом:

— Нет... еще нет.

Ци Цзю с облегчением выдохнул и, указывая на свежий след от зубов на своей руке, шутливо возмутился:

— Больно же.

— ... — Байлан окончательно пришел в себя. Он в суматохе принялся обрабатывать ранку, порываясь соскочить с кровати и обклеить руку Ци Цзю пластырями в три слоя.

Ци Цзю, собрав остатки сил, перехватил его за прядь волос, не давая убежать. Этот слабый жест заставил Байлана вновь прильнуть к нему. Он замер в его объятиях, вслушиваясь в неровный, едва различимый стук сердца в груди брата.

Ци Цзю улыбнулся и, отпустив его волосы, ласково погладил волчонка по голове. Байлан неуклюже обнял его в ответ, стараясь в точности повторить движения Ци Цзю — так, как тот всегда его утешал.

Он знал, что у Ци Цзю нет сил на уговоры. Брату и так было слишком тяжело, и Байлан не смел утомлять его еще больше:

— Брат, закрой глаза. Спи.

Он помог Ци Цзю закрыть веки. Мужчина лишь едва заметно улыбнулся и снова провалился в забытие. Такие короткие обмороки стали привычными. На сто семьдесят девятом похлопывании по спине Ци Цзю снова очнулся и коснулся мочки его уха.

Байлан знал, что тот ищет опоры. Он прижал ладонь Ци Цзю к своей щеке и снова изобразил ту самую, только что отрететированную улыбку. Мужчина какое-то время гладил его лицо, а затем осторожно стер кровь с его губ.

Байлан напрягся, хотел было оправдаться, но Ци Цзю мягко притянул его к себе за затылок. Повинуясь этому слабому давлению, Байлан вновь оказался в плену его объятий, не в силах пошевелиться.

Спустя какое-то время Ци Цзю отвел в сторону его растрепанные волосы.

— Отросли, — заметил он.

Слова были самыми обычными, но Байлана пронзила острая боль. Он замер, пытаясь справиться с собой, и лишь спустя минуту его напряженная спина наконец расслабилась.

— ...М-м.

— В первый месяц года стричься нельзя... — внезапно оживился Ци Цзю. — Принеси ножницы, я сам тебя обкорнаю? Быстро и решительно.

Байлану было всё равно. Пусть хоть превратит его голову в воронье гнездо, хоть побреет налысо:

— Хорошо.

Ци Цзю лишь хотел подразнить его, но, видя, что волчонок готов на всё, потерял к шутке интерес.

— Нет, передумал. Лучше позовем парикмахера.

— Я вызову мастера на дом, — негромко отозвался Байлан, теснее прижимаясь к нему. — Подстрижемся вместе. Брат, какую прическу ты хочешь?

Ци Цзю об этом как-то не думал.

— ...Чтобы было красиво?

Волчонок отнесся к этому со всей серьезностью и чинно кивнул:

— Будет сделано.

Ци Цзю понял, что сейчас Байлан на всё будет отвечать согласием. Это было и трогательно, и немного грустно, но он решил довести задуманное до конца:

— Идем. Будем лепить пельмени.

На этот раз Байлан явно засомневался, но спустя несколько мгновений всё же кивнул, уткнувшись в грудь брата. Он выбрался из постели и принялся слой за слоем облачать Ци Цзю в теплую домашнюю одежду.

Кухня располагалась в дальней части квартиры, и от морозной ночи её отделяла лишь стена. Из огромных окон открывался великолепный вид на редкие вспышки фейерверков, но от стекол тянуло холодом. Байлан боялся, что Ци Цзю замерзнет, поэтому укутал его, превратив в мягкий кокон, помог устроиться поудобнее и, шаркая тапочками, направился в гостиную.

Ци Цзю ждал, пока тот поможет ему пересесть в кресло:

— ...Волчонок?

— Подожди минуту, — отозвался Байлан. — Я перетащу диван на кухню.

Ци Цзю: «...»

В конце концов, это случилось. Байлан подхватил его «заразу» и теперь решил расправиться с несчастным диваном, таская его за собой по всему дому. Но сейчас эмоции Байлана зашкаливали; датчики Системы вопили об опасности, и она настоятельно советовала Ци Цзю не спорить:

[Пусть тащит, если ему так хочется! Разве вам не лучше будет устроиться там вдвоем?]

Ци Цзю никак не мог взять в толк, к чему такая настойчивость:

— Я тебя на курсы для этого отправлял?

[А для чего же еще?] — парировала Система. — [Он до смерти напуган, ему нужно чем-то заняться.]

И хотя внешне это было почти незаметно, Байлан действительно был на грани срыва. Он больше не доверял инвалидному креслу: вдруг Ци Цзю упадет или ему станет больно от долгого сидения? Раз брат хочет лепить пельмени, Байлан скорее притащит на кухню целый диван.

Он не спрашивал про разбросанные черновики, не требовал объяснений... И вовсе не потому, что поверил словам про «подготовку на всякий случай». Просто та самая пугающая возможность стала слишком осязаемой. Как бы он ни пытался её игнорировать или отрицать — всё было тщетно. Ему оставалось лишь принять это, какой бы жестокой ни была правда. Боль

от этого осознания была сильнее, чем от любого перелома.

Система переключила обзор: Байлан сражался с диваном. Тот шел тяжело; Байлан падал на пол, поднимался и снова толкал. Он изнурял себя, пока правая нога не онемела от усталости, падал на обивку и снова вставал. Подобно волку, которого когда-то вырастил Ци Цзю, он с налитыми кровью глазами бился с упрямой мебелью. Не в силах сдвинуть её с места, он в изнеможении хрипел, готовый сорваться на крик.

Но Байлан не кричал — он не издавал ни звука. Лишь тяжело, судорожно хватал ртом воздух, пока пот градом катился по его лицу. Ци Цзю молча наблюдал за этим через камеру.

[Если ты не собираешься оставить его при себе,] — внезапно произнесла Система, — [то не стоит приручать его так сильно.]

Ци Цзю как раз пытался слегка подправить параметры реальности, чтобы уменьшить трение ножек дивана о пол. Услышав это, он даже не обернулся:

— Это тоже на курсах рассказали?

[Это ты сам когда-то написал,] — ответила Система. — [В своем руководстве по воспитанию... Откуда у тебя такой опыт?]

Ци Цзю удалось временно изменить физические данные поверхности, и он с облегчением откинулся на спинку кресла. Он увидел, как Система извлекла из своего архива его старую работу. Он написал эту книжку еще в начале карьеры, просто чтобы набить статистику и получить бонус — по правилам Бюро, за «собственное производство» полагались неплохие выплаты.

Он взял виртуальный томик, пролистал пару страниц и отложил в сторону.

— В этом мире предусмотрены призраки? Ну, визиты на девятый день, годовщины...

[Нет,] — Система уже проверила. — [Жизнь гаснет, как свеча на ветру.]

— А есть шанс найти новое тело? — спросил Ци Цзю.

[Человеческих оболочек нет...] — Система изучила и этот вопрос. — [Осталось три вакансии: краб, медуза и большой ворон.]

Ци Цзю: «...»

Трудно было представить, какому отделу Бюро понадобилось превращать сотрудников в крабов или медуз. И еще труднее — в каком душевном состоянии должен находиться человек, согласившийся на такое.

— Может, стоит присмотреться к ворону? — задумчиво произнес Ци Цзю.

Система не успела добавить деталей: эта птица находилась в трех тысячах километров от Байлана, за тропическими лесами и океаном. Ци Цзю с сожалением отказался от этой мысли и прекратил разговор.

Ему нужно было сосредоточиться на главном: Байлан, наконец победивший диван, вернулся в спальню, чтобы забрать его. Пользуясь тем, что брат ничего не видит, волчонок даже не подумал привести себя в порядок — запыленный, взъерошенный, он прихромал к кровати и замер в нерешительности.

Он смотрел на безупречно чистого Ци Цзю.

***

Байлан отступил. Он старался не дышать, чтобы не потревожить брата, и хотел было ускользнуть в душ. Быстро, всего на пару минут. Ему нужно было смыть с себя всё лишнее, прежде чем коснуться Ци Цзю.

Эта мысль терновым венцом впилась ему в грудь. Словно она проросла прямо из сердца, обвивая легкие так, что каждый вдох отзывался острой болью. Он был обузой для Ци Цзю. Он удерживал его рядом с собой, затащил в это болото человеческих страстей, где всё пропитано грязью. Если бы он отпустил его раньше, Ци Цзю мог бы провести остаток дней в тишине, в каком-нибудь домике у леса, пока болезнь еще не так сильно мучила его.

В тех письмах, что валялись в корзине, была правда. Если бы не он, Ци Цзю мог бы спокойно смотреть на снег из окна лесной хижины, попивая горячий чай. Он ведь никогда не цеплялся за жизнь — когда стало бы совсем невмоготу, он просто уснул бы под пение птиц в каком-нибудь красивом месте.

Это было то, чего Ци Цзю на самом деле хотел.

Но ради него Ци Цзю остался здесь, в каменных джунглях. Ради него он раз за разом заставлял себя просыпаться. Даже когда сил не оставалось совсем, он находил их, чтобы приласкать Байлана, подразнить его, успокоить... Ци Цзю заботился о нем, вырастил из него человека.

А Байлан стал его якорем. Из-за него Ци Цзю был прикован к этой комнате, лишенный всего. Байлан позволил себе эгоистичную мечту — прожить с ним жизнь, и это наложило на Ци Цзю тень его собственных бед.

Возможно, пришло время отпустить его. Отпустить, а потом уйти следом. Нужно только запастись терпением, подождать немного... Главное — не ошибиться снова. Не повторить той глупости, что случилась на реке.

Ци Цзю больше не должен страдать из-за него.

Байлан медленно попятился к двери, желая хоть немного отмыться, прежде чем подойти к кровати, но звук колокольчика заставил его вздрогнуть. Ци Цзю, не открывая глаз, нетерпеливо жал на кнопку вызова.

Байлан до боли закусил губу и, ведомый невидимой нитью, вернулся назад:

— Брат...

Его руки были в пыли, поэтому он спрятал их в рукава и лишь кончиком носа коснулся лба Ци Цзю, давая знать о своем присутствии.

— Брат, — прошептал он. — Что тебе нужно? Я сейчас...

Ци Цзю не открывал глаз — Система рассчитала, что так он дольше сохранит энергию. Он действовал быстро и точно. Он притянул Байлана к себе. Несмотря на слепоту, его движения были уверенными:

— Перестань кусать губы.

Их дыхание переплелось. Прикосновение Ци Цзю было ледяным, почти безжизненным... Байлан в ужасе широко распахнул глаза. Первая мысль, промелькнувшая в его голове, была о воде: он забыл напоить Ци Цзю. Как он мог быть таким рассеянным, вдруг брата мучает жажда?

Ци Цзю почувствовал, что Байлан снова витает в своих мыслях, и негромко рассмеялся:

— ...Волчонок.

Похоже, курсы Системы прошли впустую — ни один из её советов не работал. Ци Цзю склонился и прикусил искусанную губу Байлана. Почувствовав, как тот вздрогнул, он отстранился и строго спросил:

— Больно? Чтобы больше я этого не видел. Самого себя кусать запрещаю.

Байлан замер, не в силах пошевелиться — кажется, он даже не до конца осознал смысл слов.

Но это было неважно; у Ци Цзю еще оставалось немного сил, чтобы повторить урок.

Байлан в смятении подхватил Ци Цзю, когда тот обессиленно припал к нему. Он боялся испачкать его своей грязной одеждой, но иного выхода не было — он мог лишь служить опорой для своего брата.

А его Ци Цзю было всё равно.

— Я еще не умер, — прошептал Ци Цзю, касаясь лбом его лба. — Так что побудь со мной вдоволь, слышишь?

<http://bllate.org/book/16113/1589301>